

Входите с миром в каждый дом

ПОЭЗИЯ

*Алексей
Курилов*

Есть озеро в стране моей бедовой
С высокими краями берегов,
Простеганное ниткою суровой
Ветров, дождей, туманов и снегов.
Есть озеро в стране моей лесной,
Поросшее реликтовой сосной.

Заполонили лес своим дыханьем
Чешуйчатые ящери-стволы.
Смотрелось в воду небо с той поры,
Когда их предки были семенами.
Пусть нафталином пахнет век иной,
Но время пахнет все-таки смолой.

В воде по грудь, с горячим в кружке чаем
Сомлевший городской интеллигент,
Он озером себя воображает, –
Таких в лесу повышенный процент.
Бесчувственный, как будто новый Голлем,
Вчера переборщивший с алкоголем.

Чем более он смотрит и молчит,
Становится стрекозами, мальками,
И всем, что ходит, плавает, звенит,
Вообразил себе неведомо чего,
И как во сне пугливых рыбок стая
Дебелых ног касается его.

Сегодня умер холодильник.
Он проработал много лет.
Кормилец был и собутыльник.
И вот его на свете нет.

Он знал все памятные даты
Моей семьи, моей страны.
Как кто-то уходил в солдаты,
Как приходил домой с войны.

А он стоял все эти годы.
Работал, не жалея сил.
И тем любезен был народу,
Что под героя не косил.

Необъятное чувство великой свободы
Прорывается в небо степною травой
Я с тобой, моя Родина, все эти годы.
Я с тобою, родимая, только не твой.

Не корми из руки – я останусь голодным,
Приникая на равных к источнику дней.
Нету чувства пронзительней этой свободы.
Ты родная моя, но свобода родней.

Вся в прохладной отраде немого блаженства
Проявляясь на свет и вступая во тьму.
Совершенство твое это несовершенство.
Никогда, никому не понять почему.

Только ясно одно, что ни строя, ни лада,
Дорогая моя неземная страна,
Ничего-то тебе в этом мире не надо
Потому, что такой же свободой больна.

**Алексей
Кириллов (1964)**
родился
в Казани, вырос
в Сухуми.
Окончил юрфак
Казанского
государственного
университета.
Работает по
специальности,
сменив до этого
множество
профессий.
Любитель
путешествий.
Публиковался в
журналах
«Идель», «День
и ночь»,
«Квадратное
колесо»...
Победитель
университетского
конкурса поэзии

Умерла от рака проститутка Клава,
чьи большие груди удивляли всех.
Говорили люди, что она шалава,
но жила красиво, обожала смех.

Бабки всё искали на нее управу,
а теперь акафист для нее поют.
Умерла соседка из квартиры справа,
Не дожив до лета нескольких минут.

164

Как зачаровывает нас
В словах поэтов и в искусстве
Свою ненавистью к русским
Далекий Северный Кавказ.

Спокойствие храня с трудом,
Не доверяйте грубой силе.
Хотите, чтобы вас любили –
Входите с миром в каждый дом.

Я молиться учился по книжке. Потом.
А тогда в недорытом окопе
Я улыбку кривил перекошенным ртом
Под картавым дождем пулеметным.

Селезенкой прочувствовав каждый снаряд,
Монолит разрывающий рядом,
Я беззвучно молил: «Не в меня, не в меня,
Милый Господи Боже, не надо».

И от жути, когда больше не было сил
Отморозить последнюю шутку,
Я у друга движеньем руки попросил
Докурить за него самокрутку.

А когда мы его на шинели несли
Хоронить перед самым рассветом,
Я не в силах был взгляд оторвать от земли –
Я у Бога просил не об этом...

Пора самим собою быть.
Махнуть на все, и вдаль уплыть
По Волге первым «Метеором»,
Всю душу вывернув просторам.
Какая может быть печаль!
Ты, рулевой, скорей причаль
Нас на Тенишевскую пристань,
И в окружении туристов,
Домой вернувшихся сельчан,
Проселочком, как в небеса,
Взойдем, и заболят глаза
От необъятного простора.
Как славно все-таки прожить
По капельке истому часа,
Что с нами может разделить
Господь один да спутник НАСА,
Что слабым отраженьем Спаса
Висит в сплетении орбит.
Гремит, как бочка дождевая,
Гроза июльская рябая,
От первых капель, вбитых в пыль,
Вздохматит клевер и ковыль.
Ливнюга в теплые объятья
Промокнувшим обхватит платьем,
Сверкнет над самой головой,
Смешливый рот целуя твой.
Цыганской молнией-иглой,
Мужскими, редкими стежками
Илья-Пророк, гремя, сшивает
Небесное Господне царство
С людскою, грешною землей –
Разъять вовеки не удастся.

У Бога есть своя забота:
Сплетенье судеб в кружева
И чтобы без заминки шла
Машина времени – Природа.
И в Азнакаевской мечети,
И в церкви Спаса на Крови...
Чем тяжелее жить на свете,
Тем невозможней без любви.

Как монотонен и глобален
Покой провинциальных зим.
Подобно странствию трамваев
Медлительность свою расправил
В багетах городских витрин.
Дороги нам необходимы.
Мы мимоходом говорим,
Что все они приводят к Риму
И продавцов и пилигримов,
Но ты уехала не в Рим.
В ночь накануне Рождества,
Как биссектриса в теореме,
Уехала или ушла
Стальная «Красная стрела»
Без остановки в Вифлееме.
Терпеть и ждать – древней науки
На свете нет. Глаза твои
Целую, волосы и руки.
Изнемогаю от разлуки
И задыхаюсь от любви.

Я так долго вынашивал город весенний,
Что мне кажется с самого первого дня –
Понедельник прекраснее, чем воскресенье.
Это всё, что могло быть и есть у меня.

Кто теперь остановит поющие струи?
Кто теперь успокоит взметнувшихся птиц?
Кто вернет голоса? Облака? Поцелуи?
Даже если зима не имеет границ.

Бризантные скверы нежатся йогой.
Вы говорите на эсперанто?
Наступит мгновение этой дорогой
Люди придут неземного таланта.

Хотите ли выпить темного пива?
Ранней весной темное лучше.
Руки деревьев нетерпеливо
Трогают неба мягкие уши.

Может быть?.. Нет? Ну, как угодно.
Ах, Вы совсем ничего не хотите.
Март, этот выкормыш всенародный,
Синим зародышем плавает в спирте.

Нет, не снимайте тонких перчаток,
Чтоб отогреть его хилое тельце –
Профестивалил лета задаток,
Вот и прикинулся погорельцем.

Нетрезвые ветры пытали ночь
Как кошку куском стекла.
Ты ночи ничем не могла помочь,
А все-таки помогла.

Холодные линии стылых крыш,
Эстетский прямой адъёс.
Я знаю, о чем Ты теперь молчишь.
И это с тобой всерьез.

Тебя не касается всякий бред
Мужей, кутежей, дворов.
Улыбки твоей затаенный свет –
Основа земных основ.

В каурых сугробах балдеет век
Пока не придет заря.
Ты любишь... смотреть, как ложится снег,
в ночных фонарях горя.

Удивительно непорочное
И глазастое,
Небо плакало этой ночью.
Небо, здравствуй!

Ты сегодня такое тихое,
Словно заяц.
Видно, полночью было лихо.
– Улыбается.

Ну откуда, скажи на милость,
Эта сила?
Знаю все, что с тобою было,
Мне приснилось.

Свои флотилии выводят водомерки
Из потемневших к ночи камышей.
Небес свечение сумерками меркнет.
У Волги плеск и крики малышей.

Там распевают звонкие девчонки,
Как будто бы закончилась война.
И душу мне пронзает месяц тонкий,
Когда на миг приходит тишина.

168

Медлительные сухогрузы
С названьем легким Волга-Дон,
И астраханские арбузы,
И хлеб, и железобетон,
И прочих грузов сотни тонн.
Сквозь непогоду, ночь и шлюзы

Несут, везут, плывет работа.
Им только чудится покой
В тягучих волжских поворотах,
В стогах над плавною рекой.
Но ветер смуглою рукой
Берет волну за отвороты.

Больная синь над головами.
Проговорится здесь любой,
Что злое пьянство деревнями,
Что не свести концов с концами,
Но все идет само собой,
Как будто кто-то есть над нами.

И неизменная картина
На протяженье берегов:
Плывет своим путем путина,
На поплавок, без поплавок
Мальчишки ловят окуньков,
А из затонов тянет тиной.

Развозят дачников «ракеты»,
Созрел богатый урожай,
В садах анисы и ранеты,
Как фейерверк на День Победы,
Хоть караваны снаряжай.
И в даль засобиралось лето.

